

УДК 347.421

DOI: 10.26140/bgз3-2019-0804-0080

КОНКРЕТИЗАЦИЯ И ТОЛКОВАНИЕ ПРИНЦИПА ЗАПРЕТА ПРОТИВОРЕЧИВОГО ПОВЕДЕНИЯ (ESTOPPEL) В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

© 2019

Макарова Анжела Васильевна, студент 3 курса

Российский государственный университет правосудия

(117418, Россия, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69, e-mail: roza14@yandex.ru)

Аннотация. Целью настоящей статьи является исследование правовой природы принципа запрета противоречивого поведения (estoppel) в российском гражданском праве, особенностей его конкретизации в законодательстве и толковании в правоприменительной практике. Методологическую основу исследования составили общенаучные (системный, функциональный, логический) и специальные юридические (сравнительно-правовой, формально-юридический, метод правового моделирования) методы научного познания. Особое внимание было уделено анализу судебной практики, который позволил выявить особенности толкования правоприменителями принципа estoppel. На основе изучения истории, правовой природы принципа запрета противоречивого поведения (estoppel), автором были выделены проблемы, связанные с неопределенностью названного принципа, несистемным закреплением в законодательстве, сложностью его применения в ходе индивидуального регулирования общественных отношений. Автор приходит к выводу, что конкретизация принципа (estoppel) в ряде статей Гражданского кодекса Российской Федерации позволила внести больше определенности в правовое регулирование гражданских правоотношений, посредством перехода от более абстрактного принципа добросовестности к более конкретному (estoppel). Однако на практике возник ряд трудностей, связанных толкованием принципа estoppel, что обусловлено его относительной абстрактностью, пробелами и коллизиями в законодательстве, вследствие чего правоприменители различно регулируют сходные правоотношения.

Ключевые слова: запрет противоречивого поведения, estoppel, материально-правовой estoppel, принцип добросовестности, добросовестное исполнение обязательств, добросовестное ожидание, принципы гражданского права, конкретизация, толкование, гражданский оборот.

CONCRETIZATION AND INTERPRETATION OF THE PRINCIPLE OF PROHIBITION OF CONTRADICTORY BEHAVIOUR (ESTOPPEL) IN THE RUSSIAN CIVIL LAW

© 2019

Makarova Angela Vasilyevna, 3rd year student

Russian State University of Justice

(117418, Russia, Moscow, Novocheremushkinskaya street, 69, e-mail: roza14@yandex.ru)

Abstract. The purpose of this article is to study the legal nature of the principle of prohibition of contradictory behavior (estoppel) in Russian civil law, the peculiarities of its specification in legislation and interpretation in law enforcement practice. The methodological basis of the research consists of General scientific (system, functional, logical) and special legal (comparative legal, formal legal, method of legal modeling) methods of scientific knowledge. Particular attention was paid to the analysis of judicial practice, which revealed the peculiarities of interpretation of the principle of estoppel by law enforcement. Based on the study of history, the legal nature of the principle of prohibition of contradictory behavior (estoppel), the author highlighted the problems associated with the uncertainty of this principle, non-systemic consolidation in the legislation, the complexity of its application in the course of individual regulation of social relations. The author comes to the conclusion that the specification of the principle (estoppel) in a number of articles of the Civil code of the Russian Federation has allowed to make more certainty in the legal regulation of civil relations, through the transition from a more abstract principle of good faith to a more specific (estoppel). In practice, however, a number of difficulties have arisen in the interpretation of the estoppel principle due to its relative abstractness, gaps and conflicts of laws, whereby the law enforcers regulate similar legal relations differently.

Keywords: prohibition of contradictory behavior, estoppel, substantive estoppel, principle of good faith, conscientious performance of obligations, good faith expectation, principles of civil law, concretization, interpretation, civil turnover.

Единую развивающуюся и многоуровневую систему форм гражданского права России на сегодняшний день невозможно представить без общего принципа добросовестности, пронизывающего все элементы отрасли права и оказывающего влияние на стабильное развитие гражданского оборота, в частности посредством защиты добросовестного контрагента. Законодатель, закрепляя в п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса РФ (далее - ГК РФ) [1] требование добросовестности при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, а также при исполнении гражданских обязанностей участниками гражданских правоотношений, исходил из того, что действия лиц должны соответствовать поведению, ожидаемому от любого субъекта гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей [2].

Именно необходимость правовой защиты добросовестного ожидания участников гражданских правоотношений стала причиной принятия решения о целесообразности включения в ГК РФ принципа estoppel, базирующегося на римском правиле *allegans contraria non est audiendus* [3], и широко известного в международном праве и в отдельных правовых системах. В соответствии с данным принципом предполагается запрет противоречивого поведения, в частности, если сторона каким-либо

образом, в т.ч. молчаливо, приняла некоторые условия в отношениях с другой стороной, то она утрачивает право ссылаться на дефектность этих условий в обоснование своих притязаний [4].

В результате телеологического толкования можно сделать вывод о том, что принцип запрета противоречивого поведения (estoppel) в российском гражданском праве является конкретизацией более широкого и абстрактного принципа добросовестности. Именно посредством конкретизации законодатель «детализировал, уточнил принцип, содержащийся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализующихся в государстве» [5, с. 327], осуществил переход «от меньшей степени определенности права к праву большей степени определенности, т.е. от права абстрактного ... к праву конкретному» [5, с. 327].

В свою очередь estoppel был конкретизирован в отдельных нормах гражданского законодательства, в частности:

- 1) абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ;
- 2) п. 5 ст. 166 ГК РФ [6];
- 3) п. 2 ст. 431.1 ГК РФ [7];
- 4) п. 3 ст. 432 ГК РФ;
- 5) п. 5 ст. 450.1 ГК РФ;

6) п. 2 ст. 944 ГК РФ.

Однако анализ положений ГК РФ и сопоставление их с некоторыми институтами, в частности английского права позволяют прийти к выводу о том, что проявлением принципа запрета противоречивого поведения, также являются п. 3 ст. 388 ГК РФ и ст. 828 ГК РФ (как специальная норма), в соответствии с которыми лицо имеет право совершить уступку денежного требования при наличии соглашения об ограничении или о запрете уступки, но при этом несет перед должником ответственность за нарушение обязательства. Подобное явление имеет сходство с английской доктриной *promissory estoppel*, предполагающей, что обещание не использовать свои права, данное одной стороной, имеет юридическую силу, если на него полагалась другая сторона.

Однако возникает вопрос: о правовой природе принципа *estoppel* применительно к ст. 388 и 828 ГК РФ, можно ли его рассматривать как конкретизацию принципа добросовестности? С одной стороны, возможен положительный ответ: законодатель дабы обеспечить стабильность гражданского оборота, стремится защитить и права должника, который ожидает, что кредитор не уступит право (требование) третьему лицу и цессионария, который является добросовестной стороной, например, договора факторинга. С другой стороны, лицо, которое совершает уступку права (требования) при наличии договорного ограничения или запрета уступки действует недобросовестно, хотя и правомерно, что объясняет ненаступление негативных последствий. Как видится, подобное вмешательство законодателя в договорное регулирование общественных отношений с целью защиты прав и интересов третьих лиц и правопорядка в целом (посредством сокращения легальных оснований признать сделку недействительной) порождает, во-первых, возможность злоупотребления правом лицом, совершившим уступку, во-вторых, ущемление прав другой стороны, которая ожидала, что контрагент исполнит обязательство. Поэтому представляется рациональным в случае, если отказ от осуществления права на уступку требования сопровождался предоставлением каких-либо благ взамен (в зависимости от их ценности) возлагать на сторону, уступившую право, дополнительную ответственность.

Рассмотренные выше примеры позволяют прийти к следующим выводам: во-первых, последовательное включение в ГК РФ норм, содержащих запрет противоречивого поведения явилось следствием необходимости не допустить разрушения гражданского оборота, что подчеркивалось в Концепции развития гражданского законодательства [8], обеспечить предсказуемость и определенность гражданских правоотношений, в частности посредством создания механизма, препятствующего инициированию признания сделки недействительной, договора недействительным или незаключенным. Во-вторых, основанием для реализации принципа *estoppel* в российском гражданском праве является именно противоречивое поведение, нарушающее принцип добросовестности, что отличает его от аналогичного института в англо-американском праве, которому не свойственно выделение общего принципа добросовестности [9], и от «несовместимого поведения», запрет которого содержится, в частности в ст. 1.8 PICC [10], согласно которой сторона не может поступать несовместимо с пониманием, которое она вызвала у другой стороны, и последняя, полагаясь на это понимание, действовала разумно себе в ущерб.

На практике, несмотря на попытку законодателя конкретизировать принцип запрета противоречивого поведения в отдельных нормах ГК РФ, перед правоприменителем при осуществлении индивидуального регулирования общественных отношений встает немало проблем, обусловленных абстрактным и относительно определенным характером принципов добросовестности и *estoppel*, коллизиями и пробелами в законодательстве, много-

образием и развитием фактических отношений [11, с. 329-330].

В частности, на сегодняшний день сложилась противоречивая судебная практика ввиду невозможности однозначно определить возможно ли применение п. 5 ст. 166 ГК РФ к сделкам, совершенным до 1 сентября 2013 г. В п. 6 ст. 3 ФЗ от 07.05.2013 № 100-ФЗ подчеркивается, что нормы об основаниях и о последствиях недействительности сделок (статьи 166 - 176, 178 - 181 ГК РФ) применяются к сделкам, совершенным после дня вступления в силу данного ФЗ, на основании чего, в частности Арбитражный суд Московского округа в одном из дел отклонил доводы заявителя [12]. В другом случае тот же суд пришел к выводу, что хотя «спор не может быть разрешен с учетом положений ст. 166 ГК РФ, тем не менее, внесение указанных изменений в ГК РФ очевидно свидетельствует о воле и понимании законодателем добросовестности исполнения сделок с учетом положений ст. 421 ГК РФ» [13], что позволяет применить *estoppel*. Второй подход представляется более рациональным, поскольку норма закрепленная в п. 5 ст. 166 ГК РФ представляет собой гражданско-правовую санкцию в отношении недобросовестной стороны, которая реализуется посредством отказа судом в защите права (п. 2 ст. 10 ГК РФ), то есть применение правила, содержащегося в п. 5 ст. 166 ГК РФ было возможно и до закрепления его в законе.

Множество вопросов возникает также в связи с определением последствий применения принципа *estoppel*, в частности с толкованием конструкции «заявление не имеет правового значения». Как правило следствием реализации *estoppel* может являться, во-первых, конвалидация сделки (договора), когда иск о признании сделки недействительной отклоняется, следовательно, сделка, которая ранее была оспорима или ничтожна исцеляется [14]. Однако вопрос о возможности применения *estoppel* в случае ничтожности сделки (договора) представляется дискуссионным. Так в п. 70 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25 говорится, что сделанное в любой форме заявление о недействительности (*ничтожности, оспоримости*) сделки и о применении последствий недействительности сделки (требование, предъявленное в суд, возражение ответчика против иска и т.п.) не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки. Однако ранее, но тоже в 2015 г. в Определении ВС РФ от 15.01.2015 № 308-ЭС14-7645 [15] Верховный Суд РФ выразил диаметрально противоположную позицию, указав, что «ссылка завода на положения п. 5 ст. 166 ГК РФ ... несостоятельна, поскольку спорный договор заключен с нарушением порядка предоставления земельных участков под строительство объектов жилого назначения, установленного ст. 30.1 Земельного кодекса Российской Федерации» на основе чего отказала в признании ничтожной сделки действительной несмотря на недобросовестность контрагента, так как в данном случае ВС РФ посчитал, что п. 5 ст. 166 ГК РФ не применим к ничтожным сделкам вообще.

Во-вторых, суд, руководствуясь принципом *estoppel*, не принимает во внимание заявление о недействительности и игнорирует факт ничтожности сделки [16]. Такой подход встречается, в частности в Постановлении Президиума ВАС РФ по делу № 16996 [17], в соответствии с которым был признан действительным договор страхования несмотря на то, что он не соответствовал обязательным требованиям закона, но был заключен на предложенных страховой компанией условиях. ВАС РФ подчеркнул, что страховая компания, являющаяся профессиональным участником рынка страховых услуг, злоупотребила правом, что является разновидностью недобросовестности. То есть страховая компания действовала недобросовестно, затем заявила о недействитель-

ности сделки. Суд установил объективный факт недействительности, но в удовлетворении иска о признании сделки недействительной отказал ввиду недобросовестности истца.

В-третьих, суд не принимает во внимание ссылку стороны на правовую природу сделки, но не игнорирует ничтожность сделки. В данном случае суд проверяет правовую природу сделки *ex officio* [18], выносит решение на основе норм материального и процессуального права, на которое не влияет заявление недобросовестной стороны о недействительности сделки. Таким образом, если сделка объективно недействительна, то суд не может признать ее действительной на том основании, что сторона, заявившая о недействительности, действовала недобросовестно. Вследствие чего не предполагается конвалидации ничтожной сделки, и сам принцип *estoppel* фактически не реализуется.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что конкретизация принципа *estoppel* в ряде статей ГК РФ позволила внести больше определенности в правовое регулирование гражданских правоотношений, посредством перехода от более абстрактного принципа (добросовестности) к более конкретному (запрет противоречивого поведения, которое противоречит добросовестности). Однако на практике возник ряд проблем, связанных с толкованием принципа *estoppel*, что обусловлено его относительной абстрактностью, пробелами и коллизиями в законодательстве, вследствие чего правоприменители различно регулируют даже аналогичные общественные отношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 30.06.2015. № 140.
3. Римское частное право: учебник для бакалавров и магистров / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юрайт, 2017.
4. Проект Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации (рекомендован Президиумом Совета при президенте Российской Федерации к опубликованию в целях обсуждения (протокол № 2 от 11.03.2009)) // URL: www.civilista.ru/files/gk/conceptii/obshie_polozhen.pdf (дата обращения: 16.01.2019).
5. Еришов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. М.: РГУП, 2018. С. 327.
6. Федеральный закон от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела 1 части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 13.05.2013. № 99.
7. Федеральный закон от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 13.02.2015. № 52.
8. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.
9. Опыт цивилистического исследования: сборник статей / А.Е. Агеенко, И.И. Акимов, В.А. Волгина и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М.: Статут, 2018. Вып. 2. С. 311. (автор статьи «Эстоппель в гражданском праве» - В.А. Короткова).
10. UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016. // International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT) Publ., Rome. 2016.
11. Еришов В.В. Указ. соч. С. 329-330.
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.11.2015 г. № Ф05-16514/15 по делу № А40-172918/2013 // URL: www.base.garant.ru/41809914/ (дата обращения: 17.01.2019).
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.05.2015 г. по делу № А-40-101887/2013 // URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/24NPUy6PEda/> (дата обращения: 17.01.2019).
14. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 20.08.2018 г. по делу № А31-14072/2017; Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 15.03.2017 г. по делу № А19-17125/2016 // СПС КонсультантПлюс.
15. Определение Верховного суда Российской Федерации от 15.01.2015 г. № 308-ЭС14-7645 // URL: www.base.garant.ru/70847554/ (дата обращения: 17.01.2019).
16. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.12.2011 № 10473/11; Определение ВС РФ от 20.07.2015 № 307-ЭС15-1642 по делу № А21-10221/2013; Постановления

Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15.04.2016 по делу № А19-8488/2015; от 03.02.2016 по делу № А33-11515/2015 // СПС КонсультантПлюс.

17. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.04.2010 г. по делу № 16996/09 // URL: www.arbitr.ru (дата обращения: 17.01.2019).

18. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств» // СПС КонсультантПлюс.

Статья поступила в редакцию 17.05.2019

Статья принята к публикации 27.11.2019